

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ APPLIED ANALYSIS

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-605-618

Научная статья / Research article

Символическая политика Грузии и Азербайджана на территории России: два исследовательских кейса

М.А. Волхонский, А.А. Ярлыкапов

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Одной из наиболее широко обсуждаемых тем в политической науке на современном этапе является символическая политика. Особенно актуальной она выглядит применительно к бывшим советским республикам, которые активно действуют в рамках символической составляющей политики. В статье на основе междисциплинарного подхода проанализированы два кейса, связанные с символической политикой двух республик постсоветского пространства — Грузии и Азербайджана. В первом кейсе речь идет о попытке руководства Грузинской Православной Церкви (ГПЦ) добиться от Русской Православной Церкви (РПЦ), а также российских властей разрешения на перенос праха грузинских царей Вахтанга VI и Теймураза II из Астрахани в Тбилиси. Во втором кейсе исследуются обстоятельства сооружения в Дагестане возле Агачаула памятника турецким солдатам, погибшим там в 1918 г. в период гражданской войны. Два представленных в статье кейса интересны в первую очередь тем, что позволяют на конкретных примерах увидеть методы символической политики. В обоих случаях акторами являлись не государственные структуры, а религиозные, общественные и научные организации. Главный метод акторов заключался в организации коммеморативной акции, вокруг которой затем выстраивалась информационная кампания с целью тиражирования определенной интерпретации исторических событий. В то же время кейсы отличаются друг от друга степенью открытости и масштабности действий акторов. В первом кейсе в вопросе переноса праха грузинских царей грузинская сторона прямо обращалась и к руководству РПЦ, и к руководству России. При этом предпринятые грузинской стороной действия не привели к успеху. Во втором кейсе азербайджанская сторона активно использовала локальную коммеморативную акцию, инициированную местными общинами в Дагестане, для развертывания соответствующей широкой информационной кампании. Сравнение кейсов приводит к выводу, что успешность символической политики не зависит от масштабов предпринимаемых акций.

Ключевые слова: символическая политика, коммеморация, некрополь грузинских царей, памятник турецким солдатам, Грузия, Азербайджан, Астрахань, Агачаул

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00494 на тему «Символическая политика постсоветских государств (Азербайджан, Армения, Грузия) на территории России: исторические нарративы, символы, коммеморации».

© Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А. Символическая политика Грузии и Азербайджана на территории России: два исследовательских кейса // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2020. Т. 20. № 3. С. 605—618. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-605-618

Symbolic Politics of Georgia and Azerbaijan in Russia: Two Research Cases

M.A. Volkhonsky, A.A. Yarlykapov
MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. One of the most actively discussed topics in modern political science is symbolic politics. This topic looks especially relevant in relation to the former Soviet republics, which are actively operating within the framework of the symbolic component of politics. Based on an interdisciplinary approach to the study of symbolic politics, the article analyzes two cases related to the symbolic politics of the two republics of the post-Soviet space — Georgia and Azerbaijan, respectively. The first case refers to an attempt by the leadership of the Georgian Orthodox Church to obtain permission from the Russian Orthodox Church and the Russian authorities to transfer the ashes of Georgian kings Vakhtang VI and Teymuraz II from Astrakhan to Tbilisi. The second case studies the circumstances of the construction of a monument in Dagestan near Agachaul to Turkish soldiers who died here in 1918 during the Civil war. The two cases presented in the article are interesting primarily because they allow us to see the methods of symbolic politics using concrete examples. In both cases, the actors were not state structures, but religious, social, and scientific organizations. The main method of the actors was to organize a commemorative campaign, around which an information campaign was then built, with the aim of replicating a certain interpretation of historical events. At the same time, cases differ from each other in the degree of openness and scale of actions of actors. In the first case regarding the transfer of the ashes of Georgian tsars, the Georgian side directly addressed both the leadership of the Russian Orthodox Church and the leadership of Russia. At the same time, the actions undertaken by the Georgian side were not successful. In the second case, the Azerbaijani side actively used the local commemorative campaign, initiated by local communities in Dagestan, to launch an appropriate wide information campaign. A comparison of cases leads to the conclusion that the success of a symbolic policy does not depend on the scale of the actions taken.

Key words: symbolic politics, commemoration, necropolis of Georgian kings, a monument to Turkish soldiers, Georgia, Azerbaijan, Astrakhan, Agachaul

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 20-011-00494 «The symbolic politics of post-Soviet states (Azerbaijan, Armenia, Georgia) in Russia: historical narratives, symbols, commemorations».

For citation: Volkhonsky, M.A. & Yarlykapov, A.A. (2020). Symbolic Politics of Georgia and Azerbaijan in Russia: Two Research Cases. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (3), 605—618. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-605-618

Современные исследования символической политики: направления и методология

В современных международных отношениях в последнее время наблюдается усиление роли так называемой «символической политики», под которой абстрактно понимается публичная деятельность, связанная с производством различных интерпретаций

социальной реальности, а также с последующей борьбой, направленной на их закрепление в общественном сознании.

Как правило, полем такой борьбы становится историческая память обществ отдельных стран или международного сообщества в целом. В этом пространстве государства или другие связанные с ними игроки (например, религиозные организации, отдельные

общественно-политические группы) пытаются закрепить свои смыслы, то есть выгодные им интерпретации ключевых исторических событий, образы героев и антигероев.

Борьба за смыслы в этом пространстве ведется ради достижения конкретных политических целей: легитимация или делегитимация власти, мобилизация поддержки, создание социально-политических или национальных идентичностей, формирование протестных движений, провоцирование конфликтных ситуаций и др.

Для достижения этих политических целей используется самый разнообразный арсенал инструментов и технологий: от вербально оформленных сложных концепций и доктрин до простых лозунгов и слоганов; от тиражирования одинарных графических изображений до создания памятников и целых мемориальных комплексов; от отдельных публичных акций до организации сложных коммеморативных мероприятий, направленных на пробуждение у широких социальных слоев памяти относительно конкретных исторических событий-символов.

Политическое использование прошлого, как правило, кристаллизуется в политику памяти, частным случаем которой является историческая политика, где главным актором выступает государство с его мощными финансовыми, организационными и информационными ресурсами. Чаще всего ареалом применения этой политики становится население этого государства. При этом, стремясь унифицировать посредством исторической политики память о прошлом в сознании широких слоев населения, власти часто наталкиваются на препятствия в виде альтернативного видения истории, источником которого могут быть как отдельные социальные или этнические группы, так и соседние государства. Так возникают «войны исторической памяти», которые стали проблемой не только для внутренней общественно-политической жизни некоторых государств, но также для всего мирового сообщества.

Современные исследования политики памяти опираются на две традиции, одна из которых восходит к политологическим

работам американского социолога 1960-х гг. М. Эдельмана, первым давшего определение «символической политике». Под этим понятием он подразумевал механизм, с помощью которого элита манипулирует основной массой населения, влияя на то, как она воспринимает политическую и социальную реальность [Edelman 1985]. Вторая традиция опирается на исследования французского социолога 1920-х гг. М. Хальбвакса, который занимался разработкой понятия «коллективная память» [Хальбвакс 2007].

Из западных исследователей, которые продолжили разрабатывать исследовательское поле символической политики, следует особо отметить двух немецких ученых — У. Сарцинелли и Т. Майера. Первый автор рассматривал «символическую политику» как изобразительное средство визуализации политических особенностей, а также как важный инструмент политического менеджмента, а второй представлял «символическую политику» как «инсценирование» политического, которое может реализовываться в виде трех моделей — театральной, драматургической или перформансной [Поцелуев 2012: 17—53].

Среди разработчиков концепта символической политики обязательно нужно упомянуть французского социолога П. Бурдьё [2005], который в своих работах акцентировал «квазимагическую» способность символической политики по-новому показывать мир, а, следовательно, его изменять.

На современном этапе можно выделить исследования, посвященные теме секьюритизации памяти [Strukov, Apryshchenko 2018].

Вторую традицию разработки понятий коллективной и исторической памяти, а также исследование средств и возможностей воздействовать на нее продолжали в 1980-х гг. такие западные исследователи, как Й. Йерушалми [2004] и П. Нора [1999], а в 1990-е гг. — Я. Ассман [2004], П. Хаттон [2004], А. Портелли¹, А. Ассман [2014; 2016] и др. В их работах плодотворно исследовались как теоретические

¹ Портелли А. Массовая казнь в Ардеатинских пещерах: история, миф, ритуал, символ // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/massovaya-kazn-v-ardeatinskih-peshherah-istoriya-mif-ritual-simvol.html> (дата обращения: 03.05.2020).

вопросы терминологии и методов исследования исторической памяти, так и эмпирические кейсы реализации политики памяти в разных регионах и странах мира.

С начала 2000-х гг. проблемами так называемых *memory studies* стали активно заниматься отечественные исследователи. При этом сразу наметился междисциплинарный подход в проведении исследований, когда в трудах использовались как наработки политологической концепции «символической политики», так и концепты «исторической памяти», которые разрабатывались в основном историками и антропологами. Среди российских ученых, занимающихся как теоретическими, так и прикладными исследованиями «символической политики» и «политики памяти», следует назвать С.П. Поцелуева [2012], К.В. Киселева [2006], Н.Е. Копосова [2011], Г.В. Пушкареву [2015], В.Н. Ефремову [2015], Ю.А. Сафронову [2018], Я.В. Севастьянову и Д.В. Ефременко [2020а; 2020б].

Из большого количества работ российских авторов следует также отметить прикладные исследования «политики памяти» в России и на постсоветском пространстве А.И. Миллера [2012; 2018], О.Ю. Малиновой [2013; 2015; 2018] и др.

Символическая политика как инструмент внешней политики государств Кавказского региона

В современной российской научной литературе, посвященной вопросам политики памяти, как правило, внимание исследователей сосредоточивается либо на теоретических вопросах, либо на эмпирическом изучении исторической политики, которую проводят государственные структуры постсоветских стран в пределах собственных границ, в том числе по такой острой теме, как «войны исторической памяти».

Последний феномен рассматривается как результат столкновений исторических политик двух государств (например, Армении и Азербайджана, Грузии и России). При этом в литературе редко встречаются работы, посвященные столкновению локальных исторических нарративов с общегосударственным

«большим историческим нарративом» в границах одного государства. Практически нет работ, которые бы в качестве объекта исследования избрали феномен проецирования каким-либо государством «символической» и «исторической политики» на территорию соседнего государства.

Между тем в последние десятилетия в южных регионах России (в Северо-Кавказском и Южном федеральных округах) наблюдался ряд общественно-политических событий, которые можно отнести к сфере исторической политики. Характерно, что акторами, проводящими данную политику на российской территории, часто оказывались государственные или общественные структуры Азербайджана, Армении и Грузии. Подобная активность обусловлена в первую очередь тем, что, будучи расположенными в Кавказском регионе, эти государства имеют общее с Россией многовековое историческое прошлое, которое может выступать одновременно и как ресурс, и как объект исторических интерпретаций при проведении этими государствами символической и исторической политики. Очевидно, что эти неординарные для российской общественно-политической и культурной жизни явления требуют специального исследования.

В данной статье излагаются первичные результаты начатого авторами исследования, направленного на систематизацию и анализ тех фактов российской общественно-политической жизни, которые свидетельствуют о попытках проецирования на территорию России государственными структурами или общественными организациями государств Южного Кавказа особой символической и исторической политики. Поскольку исследование находится в начальной стадии реализации, то в статье анализируется только по одному кейсу, связанному с символической политикой Грузии и Азербайджана.

Отметим, что в плане разработки как методологии анализа политики памяти, так и выделения наиболее значимых проблем и вопросов в этом исследовательском поле особенно интересными оказались работы О.Ю. Малиновой и А.И. Миллера.

О.Ю. Малинова [2013; 2015; 2018], опираясь на опыт и концепты западных исследователей, на российском примере празднования столетия Октябрьской революции 1917 г. разработала методологию анализа исторических нарративов, развиваемых разными мнемотическими акторами. Отдельный интерес также представляет предложенная ею методология исследования процесса «коммеморации» (совокупности публичных актов «вспоминания» исторических личностей или событий) путем подробного разбора социально-культурной инфраструктуры памяти, включающей в себя памятники, музеи, государственные праздники, юбилеи, публичные ритуалы, памятные речи, топонимию пространства, произведения литературы и искусства, знаки солидарности.

В свою очередь, А.И. Миллер [2012; 2018] детально анализирует методы и инструменты исторической политики, проводимой государственными элитами постсоветских государств. Обращает на себя внимание то, как он формулирует основную задачу изучения исторической политики, которая должна заключаться не столько в выявлении имеющихся различных интерпретаций прошлого, сколько в исследовании ее мнемотических акторов, институтов, целей и методов.

Первоочередной задачей предпринятого исследования является выявление тех мнемотических акторов, которые на территории России непосредственно занимаются реализацией символической, исторической политики, инициированной государствами Южного Кавказа. В качестве таких акторов могут выступать дипломатические структуры указанных государств, диаспоры с их разнообразными институтами, религиозные организации, отдельные общественные фонды, научные, культурные, религиозные учреждения, целенаправленно занимающиеся организацией научно-культурного сотрудничества своих государств с Россией.

Не менее важной задачей является исследование технологий символической политики, связанных преимущественно с артикуляцией исторических нарративов, а также с организацией различных коммеморативных акций.

Вопрос о переносе праха грузинских царей Вахтанга VI и Теймураза II из Астрахани в Тбилиси

Одним из мнемотических акторов, замеченных в проведении символической и исторической политики на территории России в 2000—2010-х гг., является Грузинская Православная Церковь (ГПЦ). Объектом пристального внимания главы церкви католикоса Илии II стал некрополь Успенского собора Астраханского кремля с гробницами двух грузинских царей Вахтанга VI и Теймураза II.

Отметим, что этот некрополь является важным историко-культурным свидетельством существовавших в течение нескольких столетий дружеских политических и культурных связей России и Грузии. Союзник императора Петра I во время знаменитого Каспийского похода 1722—1724 гг. картлийский царь Вахтанг VI после захвата османскими войсками Тифлиса был вынужден в 1726 г. бежать в Россию. Здесь он был принят на государственную службу и долгое время с успехом выполнял различные дипломатические поручения. При императрице Анне Иоанновне он поселился в Астрахани, где ему был подарен большой дом, а также выделено содержание для всей его семьи и свиты.

В марте 1737 г. царь скончался после продолжительной болезни. Из архивных источников известно, что Вахтанг VI завещал похоронить себя «без всякой церемонии». При этом ничего не известно было о его желании быть похороненным в Грузии. Местный губернатор нарушил волю царя и распорядился устроить торжественное погребение царя в Успенском соборе Астраханского кремля².

В 1762 г. в Успенском соборе был захоронен царь Картли и Кахети Теймураз II. В России царь оказался в 1761 г. во главе грузинского посольства, которое пыталось

² Просянова Т.Н. «Для сохранения требовал караулу, понеже де оной город пограничной»: Грузинский царь Вахтанг VI и его семья в Астрахани. 1735—1750 гг. // Исторический архив. 2005. № 5. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1720-1740/Wachtang_VI/text.htm (дата обращения: 03.05.2020).

добиться от императрицы Елизаветы I военной помощи в борьбе против Персии. Но русское правительство, уже участвуя в Семилетней войне против Пруссии, отказалось ввязываться в новый военный конфликт.

Тем не менее грузинский царь был торжественно принят в Санкт-Петербурге и награжден орденом Андрея Первозванного. В начале января 1762 г. он неожиданно скончался. Свита царя обратилась с прошением к русскому правительству позволить доставить его тело обратно на родину. Однако довезя гроб с останками царя до Астрахани в мае того же года, члены свиты неожиданно запросили у Коллегии иностранных дел разрешение захоронить Теймураза II на месте. В итоге в Успенском соборе Астраханского кремля появилась вторая гробница грузинского царя.

В течение двух столетий некрополь грузинских царей в Астрахани никого не интересовал. В 1973 г. в первый раз была озвучена идея перезахоронения праха царей в Грузии, когда в Успенском соборе провели раскопки гробниц [Марков 1976: 295—296]. Но руководство Грузинской ССР не поддержало это предложение.

В 1983 г. по распоряжению первого секретаря ЦК компартии Грузии Э.А. Шеварднадзе было проведено новое исследование некрополя³. Отметим, что в обоих случаях захоронения грузинских царей являлись объектом исключительно археологического и культурно-исторического интереса.

Только с 2002 г. некрополь стал объектом символической политики Грузинской Православной Церкви. В этом году в грузинском обществе и церковных кругах активно стал обсуждаться вопрос о причислении царей Вахтанга VI и Теймураза II к лику святых ГПЦ, а также переносе их праха из Астрахани в Тбилиси. В апреле того же года правительство Грузии поддержало предложение католикоса Илии II о переносе останков царей, а президент Э.А. Шеварднадзе выразил надежду на то, что в России правильно

поймут пожелание грузинской общественности о перезахоронении царей на родине⁴.

Отметим, что в конце мая 2003 г. епископ Батумский и Сухумский Дмитрий (Шиолашвили) в одном из своих интервью заявил: «Договоренность о передаче праха была достигнута на последней встрече в Сочи Эдуарда Шеварднадзе и Владимира Путина»⁵.

Одновременно католикос Илия II, обратившись к Московскому патриарху Алексию II, также получил от него письмо с предварительным согласием. Однако прибывшая в мае 2003 г. в Астрахань делегация грузинских иерархов неожиданно для себя столкнулась с сопротивлением местной власти. Грузинская сторона очень рассчитывала, что вышеупомянутое письмо патриарха Алексея II побудит местные власти в Астрахани оказать им содействие в переносе праха царей. Однако губернатор Астраханской области А.П. Гужвин прямо заявил: «Несмотря на наличие письма патриарха Алексея II, у меня до сих пор нет официальных правительственных документов, подтверждающих решение этого вопроса»⁶. Губернатор также высказал свое личное несогласие с таким решением, отметив: «Праха грузинских царей, покоящихся в Астрахани, необходимо оставить на месте, поскольку он был и будет связующим звеном между народами Грузии и России. В решении этого вопроса необходимо искать компромиссное решение, даже если на перезахоронение будет получено разрешение правительства»⁷.

Последовавшее в 2004 г. после прихода к власти в Грузии М. Саакашвили обострение

⁴ Правительство Грузии рассмотрело вопрос о перенесении останков двух грузинских царей из Астрахани на родину // Pravoslavie.ru. 03.04.2002. URL: <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/40076.htm> (дата обращения: 03.05.2020).

⁵ В Астрахани обсуждали вопрос о перезахоронении останков грузинских царей // ИА REGNUM. 31.05.2003. URL: <https://regnum.ru/news/cultura/121420.html> (дата обращения: 22.05.2020).

⁶ Там же.

⁷ Без царя в голове. Астрахань не отдает Тбилиси останки грузинских государей // Агентство федеральных расследований. 02.06.2003. URL: <http://flb.ru/info/18136.html> (дата обращения: 03.05.2020).

³ Царские тела // Izvestia.ru. 09.04.2003. URL: <https://iz.ru/news/275331> (дата обращения: 03.05.2020).

российско-грузинских отношений прервало обсуждение этого вопроса. Тем не менее, несмотря на отсутствие между Россией и Грузией после августовского конфликта 2008 г. дипломатических отношений, в ноябре 2011 г. в Москву в связи с празднованием 65-летия патриарха Московского Кирилла прибыл с визитом католикос Илия II.

В числе других предстоятелей поместных православных церквей, прибывших на торжества в Москву, католикос был принят президентом России Д.А. Медведевым⁸. Пользуясь благоприятным моментом, Илия II снова поднял вопрос о перезахоронении царей. «Эти грузинские цари в свое время завещали похоронить их на родине, и мы попросили президента РФ и патриарха Кирилла, чтобы нам позволили сделать это», — заявил католикос Илия II грузинским СМИ по итогам своего визита⁹.

Для детального обсуждения вопроса о возможности переноса праха Вахтанга VI и Теймураза II было решено создать российско-грузинскую церковную комиссию, первое заседание которой состоялось 13 декабря 2012 г. в Москве в особняке Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС) Московской патриархии на территории Данилова монастыря. Комиссия в первую очередь должна была путем исторических исследований установить, существовала ли личная воля двух царей относительно захоронения их праха в Грузии. Стороны договорились обменяться имеющимися у них историческими документами, а также провести дополнительные архивные и археологические изыскания. Комиссия также пришла к выводу о необходимости созыва специальной научной конференции.

⁸ Состоялась встреча Президента России с Предстоятелями и представителями Поместных Православных Церквей, прибывшими на торжества по случаю 65-летия Святейшего Патриарха Кирилла // Отдел внешних церковных связей РПЦ, 20.11.2011. URL: <https://mospat.ru/ru/2011/11/20/news52843/> (дата обращения: 03.05.2020).

⁹ Патриарх Грузии просит Россию передать для перезахоронения прах грузинских царей // Кавказский узел. 28.11.2011. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/196624/> (дата обращения: 03.05.2020).

После годичного перерыва работа комиссии возобновилась в формате научной конференции, проведенной в июне 2014 г. в Астрахани под названием «Астрахань и Багратионы: история двух захоронений»¹⁰. Однако конференция не смогла поставить точку в вопросе. Грузинские участники не смогли на основе исторических документов подтвердить факт существования завещаний царей. Доклады российских участников, указывающие на этот факт, были встречены с явным раздражением.

Единственным аргументом грузинской делегации являлось указание на желание католикоса Илии II и грузинского общества перенести останки царей на их родину. В ответ российские участники резонно отметили, что некрополь грузинских царей Астраханского кремля является историко-культурным памятником, имеющим особое символическое значение для России. Итоги конференции подвел глава ОВЦС Московского патриархата митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев), который заявил, что в вопросе о переносе праха царей преждевременно ставить точку. Фактически руководство Русской Православной Церкви (РПЦ) открыто переложило ответственность за окончательное решение вопроса о переносе праха царей на федеральные власти¹¹.

Проект переноса останков Вахтанга VI и Теймураза II являлся частью проводимой главой РПЦ символической политики. С начала 1990-х гг. Илия II прилагал много усилий для создания себе имиджа не только духовного, но также политического лидера Грузии. Католикос неоднократно открыто заявлял, что он является сторонником восстановления в Грузии конституционной монархии. Он внес значительный вклад в распространение и

¹⁰ В Астрахани открылась международная конференция «Астрахань и Багратионы: история двух захоронений» // AST-NEWS.ru. 11.06.2014. URL: <https://ast-news.ru/node/v-astrahani-otkrylas-mezhdunarodnaya-konferentsiya-astrahani-i-bagratiiony-istoriya-dvukh-zakhoroneni/> (дата обращения: 03.05.2020).

¹¹ Захоронение грузинских царей останется в Астрахани // ГТРК Лотос. 11.06.2014. URL: http://lotosgtrk.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=3975 (дата обращения: 03.05.2020).

поддержание в обществе «культы грузинских царей» [Вардосанидзе 2015: 56].

Частью этого «культы» стали мемориальные мероприятия, связанные с переносом праха отдельных грузинских царей, которые в силу политических обстоятельств скончались на чужбине. Так, с 1989 г. в грузинском обществе активно обсуждался вопрос о переносе из индийского города Гоа мощей святой великомученицы, кахетинской царицы Кетеван. Правда, после долгих переговоров власти Индии отказались навсегда передать Грузии останки царицы¹².

В 1990 г. из Трапезунда (Турция) в Гелатский монастырь в Грузии были перенесены останки имеретинского царя Соломона II, который позже в 2005 г. был канонизирован ГПЦ как святой царь-«самопожертвователь за родину»¹³.

Закладка в ноябре 1995 г. в Тбилиси нового кафедрального собора Цминда Самеба (Пресвятая Троица) придала новый импульс символической политике Грузинской Православной Церкви. Амбициозному по своим размерам, а также внешнему и внутреннему убранству храму явно не хватало почитаемых православными грузинами святых. Вопрос о переносе останков Вахтанга VI и Теймураза II был поднят Грузинской церковью и поддержан светскими властями именно в связи со строительством храма. В одном из интервью в 2002 г. президент Э.А. Шеварднадзе заявил, что останки царей планируется перенести именно в строящийся новый кафедральный собор¹⁴.

Перенос останков царей из Астрахани по замыслу Илии II предполагалось превратить

¹² Индия передаст Грузии мощи святой царицы Кетеван только на 15—20 лет // Православие.ru. 10.09.2015. URL: <http://www.pravoslavie.ru/82031.html> (дата обращения: 03.05.2020).

¹³ Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II извещил Святейшего Патриарха Алексия о новых канонизациях, проведенных Грузинской Церковью // Московский Патриархат. 01.09.2005. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/38220.html> (дата обращения: 03.05.2020).

¹⁴ Прах грузинских царей предлагается перенести в Тбилиси // Кавказский узел. 15.07.2002. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/23384/> (дата обращения: 03.05.2020).

в красочное театрализованное действо. Не случайно, что еще до завершения переговоров с российской стороной, 3 мая 2013 г., католикос совершил чин освящения в Цминда Самеба роскошных мраморных саркофагов, предназначенных для праха Вахтанга VI и Теймураза II. В интервью католикос подчеркивал символическое значение того факта, что камни для саркофагов были доставлены из Иерусалима и Вифлеема — со святых мест¹⁵.

Отметим еще один аспект переноса останков царей, который по понятным причинам грузинская сторона не афишировала. Ни католикоса, ни грузинское общество абсолютно не волновала проблема того, что задуманный перенос будет только способствовать дальнейшему размыванию положительной исторической памяти о длительном периоде плодотворных политических и культурных связей России и Грузии. Ни во время заседания комиссии в декабре 2012 г., ни на конференции в Астрахани в июне 2013 г. грузинские представители ни разу не предложили какие-либо варианты символической компенсации российской стороне в случае решения вопроса в пользу Грузии.

Между тем российской стороной неоднократно указывалось не только на культурно-историческую, но также на символическую ценность некрополя грузинских царей в Астрахани. Грузинская делегация просто не захотела это услышать и обсудить данный аспект вопроса переноса останков. Более того, можно было не сомневаться, что сам этот процесс сопровождался бы мощной антироссийской информационной кампанией. Это становится очевидным, если учесть, что современная грузинская историография в плане интерпретаций совместной истории России и Грузии переполнена антироссийскими клише и стереотипами. Так, грузинские историки в качестве главной причины потери Вахтангом VI трона, а затем вынужденного бегства в Россию называют якобы имевшее место со стороны

¹⁵ Патриарх Грузии освятил в храме Благовещения саркофаги царей // Грузия Online. 03.05.2013. URL: <http://www.apsny.ge/2013/soc/1367644856.php> (дата обращения: 03.05.2020).

Петра I «предательство» грузинского царя [Вачнадзе, Гурули, Бахтадзе 1993].

После 2014 г. вопрос о переносе праха царей время от времени поднимался в грузинских СМИ или же иерархами Грузинской Православной Церкви. Однако никаких подвижек ни в его решении, ни даже в продолжении российско-грузинского диалога по этому вопросу на данный момент не наблюдается во многом из-за того, что российские федеральные власти не имеют ясной позиции по этому вопросу или же они не захотели изложить ее публично.

Освободители или интервенты? Как памятник у Махачкалы расколол общество в Дагестане

15 декабря 2018 г. в Дагестане произошло событие, вызвавшее активную дискуссию в дагестанском обществе, которая практически сразу переместилась и на федеральный уровень. В этот день рядом с селом Агачаул у подножия горы Тарки-Тау был открыт памятник 192 османским солдатам, погибшим в сражениях с Кавказской армией генерала Лазаря Бичерахова в 1918 г., 69 из которых похоронены на местном кладбище¹⁶.

Монумент представляет собой натуральный местный камень из песчаника, в который вмонтированы мраморные плиты с полумесяцем и звездой и надписью на кумыкском, турецком и русском языках. Надпись гласила: «Священной памяти солдат Османской армии, павших за освобождение Анжи-калы (Порт-Петровска) от оккупационных войск генерала Л. Бичерахова. Мир и покой их душам».

Инициатива установки памятника исходила от семи кумыкских джамаатов (общин): «Таргу», «Агачаул», «Кяхулай», «Альбурикент», «Атлыбоюн», «Бойнак» и «Казаныш».

Неоднозначная реакция на это событие, которая охватила социальные сети, а также

региональные и федеральные СМИ, привела к тому, что 3 января 2019 г. мраморная плита с трехязычной надписью была заменена на плиту с надписью на русском языке, которая гласила: «В память воинам, павшим в боях за свободу России и Дагестана на горе Тарки-Тау вблизи селения Агачаул в 1918 г. Мир и покой их душам». В произошедшем местная общественность обвинила администрацию Карабудахкенского района и села Агачаул, на территории которых расположен монумент.

События, которым посвящен монумент, разворачивались в годы Гражданской войны. Генерал Л.Ф. Бичерахов, который оказался одной из основных фигур в этих событиях, в годы Первой мировой войны успешно действовал на Кавказе и в Персии против османских войск. После событий 1917 г. и дальнейшего развала Российской империи на Кавказе обострилась борьба за власть между различными центрами силы. В июле 1918 г. отряд Л.Ф. Бичерахова, поддерживаемый британским командованием, прибыл из Ирана в Закавказье. После неудачного сотрудничества с Бакинским советом отряд Л.Ф. Бичерахова, переименованный в Кавказскую армию, в августе того же года вошел в Дагестан, где разбил отряды дагестанских большевиков и занял Дербент и Порт-Петровск (современная Махачкала). Затем, заключив с военным министром Горской республики Нух-Бекем Тарковским соглашение о разделе сфер влияния в Дагестане, генерал Л.Ф. Бичерахов без особого успеха попытался оказать помощь Терскому казачье-крестьянскому совету, поднявшему восстание против большевистского Терского Совнаркома [Безугольный 2011].

Между тем правительство Азербайджанской Демократической Республики в июне 1918 г. заключило союз с Турцией. Согласно подписанному ими договору о дружбе, из турецких регулярных частей и азербайджанских отрядов была сформирована Кавказская исламская армия. После взятия в сентябре того же года Баку эта армия начала наступление на Дагестан, отбив у частей Л.Ф. Бичерахова Дербент и осадив Порт-Петровск. В октябре 1918 г., согласно заключенному

¹⁶ Джалилов Р. Памятник турецким воинам в Дагестане напомнил о спорных аспектах гражданской войны // Кавказский узел. 23.12.2018. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/329545/> (дата обращения: 10.05.2020).

между Турцией и странами Антанты Мудроскому перемирию, турецкие войска должны были покинуть Закавказье. Однако командующий турецкими войсками, осадившими Порт-Петровск, Сулейман Изет продолжил участие в боевых действиях, но уже на стороне Горской Республики. В итоге после ожесточенных боев, в ноябре 1918 г., войска Л.Ф. Бичерахова были эвакуированы англичанами из Порт-Петровска в Энзели, а затем доставлены в Баку. В дальнейшем обе противостоявшие армии ожидало не лучшее будущее. По требованию англичан все турецкие части, входившие в состав Кавказской исламской армии, были разоружены и выведены из Закавказья. Что касается Кавказской армии Л.Ф. Бичерахова, то она была расформирована и передана в состав Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) под командованием генерала А.И. Деникина [Безугольный 2011].

Ситуация вокруг памятника на окраине села Агачаул накалилась в силу того, что столкнулись две разные интерпретации, две «символические истории». С одной стороны, это поддержанная рядом федеральных СМИ позиция, заключающаяся в том, что Кавказская исламская армия, основу которой составили османские военнослужащие, представляла собой интервенционистскую силу. Османская империя воевала против Российской империи в Первой мировой, и ее армия оставалась врагом и в 1918 г., когда разворачивались события под Порт-Петровском¹⁷. Лазарь Бичерахов же, согласно этой версии, не мог командовать «силами оккупантов».

С другой стороны, точка зрения, что Кавказская исламская армия под командованием Нури-паши пришла освободить Дагестан от «британского наймита» Л.Ф. Бичерахова, в войске которого были не только казаки, но и армяне-дашнаки, убивавшие мусульман. Причем наиболее активно эту версию продвигали историки и журналисты из Азербайджана. На самой церемонии

¹⁷ Окунев Д. «В помощь братьям»: врагов России увековечили в Дагестане // Газета.ru. 18.12.2018. URL: https://www.gazeta.ru/science/2018/12/18_a_12099043.shtm (дата обращения: 10.05.2020).

открытия памятника в Агачауле присутствовала известный азербайджанский историк из Института истории НАН Азербайджана, доктор исторических наук Севиндж Алиева. Ее позицию привел в своем блоге «Ветер с Апшерона» на «Кавказском узле» Кямал Али: «Было очень радостно и вместе с тем трогательно присутствовать на открытии памятника у села Агач-аул, посвященного памяти турецких шехидов, павших за освобождение Дагестана. Мы ждали этот день давно. Как известно Кавказская исламская Армия в июне-сентябре 1918 года освободила Азербайджан, помогла спастись азербайджанским мусульманам от бесчинств дашнаков и большевиков и затем двинулась на помощь братьям-мусульманам в Дагестан. В память о борьбе турецких аскеров с бичераховцами и дашнаками в Дагестане благодарные кумыкские общины спустя 100 лет после этих событий воздвигли им монументальный памятник (орфография и пунктуация автора сохранены. — Прим. ред.)»¹⁸.

Эта точка зрения была отражена практически во всех публикациях азербайджанских СМИ¹⁹. Азербайджанское агентство Turan также опубликовало обращение от имени кумыкских джамаатов по поводу замены плиты с надписью на памятнике османским солдатам²⁰.

Таким образом, установка по инициативе и на средства семи кумыкских джамаатов

¹⁸ Кумыки благодарны Кавказской армии за спасение // Кавказский узел. 18.12.2018. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83772/posts/35796> (дата обращения: 10.05.2020).

¹⁹ Священной памяти солдат Османской армии // Armiya.az. 18.12.2018. URL: <http://armiya.az/ru/news/140849/> Священной-памяти-солдат-%20Османской-армии (дата обращения: 10.05.2020); В Дагестане открыт памятник шехидам Кавказской Исламской армии // Minval.az. 18.12.2018. URL: <https://minval.az/news/123848855> (дата обращения: 10.05.2020); «Еркрамас» защищает погромщиков // Turan News Agency. 25.12.2018. URL: <http://www.contact.az/ext/news/2018/12/free/Want%20to%20Say/ru/77645.htm> (дата обращения: 10.05.2020).

²⁰ Али К. В Дагестане заменен текст на памятнике в честь Кавказской армии // Turan News Agency. 06.01.2019. URL: <http://www.contact.az/ext/news/2019/1/free/Want%20to%20Say/ru/77828.htm> (дата обращения: 10.05.2020).

Дагестана памятника погибшим бойцам Кавказской исламской армии у села Агачаул показала классический пример осуществления символической политики путем проведения коммеморативной акции, а также сопровождающей ее информационной кампании с целью тиражирования только одной «правильной» точки зрения на исторические события столетней давности.

Отметим, что в роли наиболее активного мнемотического актора, использовавшего установку этого памятника в своих целях, выступило азербайджанское академическое сообщество. Дагестанские джамааты пригласили на открытие памятника азербайджанского историка, как было заявлено, в благодарность за проведенные ею исследования. В осмыслении событий столетней давности на территории населенных пунктов, возле которых покоятся османские солдаты, взяла верх азербайджанская версия.

Заключение

Два рассмотренных в статье кейса свидетельствуют, что соседние государства, в данном случае Грузия и Азербайджан, активно проецируют свою символическую политику на территорию России. Конечно, в обоих случаях мнемотическими акторами выступили представители не государственных структур, а религиозных, а также научных и общественных организаций. В обоих исследованных кейсах акторы пытались активно использовать коммеморативные акции как главный метод и одновременно ресурс символической политики. Различие состояло в масштабе действий. Если в вопросе переноса праха царей

грузинская сторона действовала открыто, обращаясь напрямую не только к высшему руководству Русской Православной Церкви, но также и к высшей российской власти, то во втором случае азербайджанская сторона завуалированно приняла участие в локальной коммеморативной акции, инициированной местными кумыкскими общинами. Участие заключалось, во-первых, возможно, во влиянии на формулирование идеи памятника, а во-вторых, в широкой информационной кампании, развернутой азербайджанскими СМИ вокруг этого события. В целом эта акция показала успешность азербайджанского подхода, который подразумевает единую тюркскую идентичность и общую память у тюркских народов Кавказа.

Таким образом, успешность символической политики не зависит от масштабов действий: менее масштабные действия азербайджанской стороны оказались гораздо более успешными, нежели активные и масштабные действия грузин.

В заключение также отметим, что реакция российских властей в сфере символической политики, за исключением темы Великой Отечественной войны, имеет пассивный и изредка реактивный характер. Во всяком случае два представленных кейса подтверждают этот тезис. Однако вопрос о возможных эффективных действиях, а также о пределах правомочности и легитимности позиции официальных российских властей разных уровней в сфере символической и исторической политики является темой отдельного исследования.

Поступила в редакцию / Received: 20.05.2020
Принята к публикации / Accepted: 14.07.2020

Библиографический список

- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917—1919. М.: Центрполиграф, 2011.

- Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005.
- Вардосанидзе С. Раб Божий. Жизненный подвиг Илии II, католикоса-патриарха всея Грузии. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2015.
- Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М. История Грузии (с древнейших времен до наших дней). Тбилиси: Тбилисский государственный университет, 1993.
- Ефремова В.Н. О некоторых теоретических особенностях исследования символической политики // Символическая политика: сборник научных трудов. Вып. 3: Политические функции мифов / отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: ИНИОН РАН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отдел полит. науки, 2015. С. 50—65.
- Йерушалми Й.Х. Захор: еврейская история и еврейская память. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004.
- Киселев К.В. Символическая политика: власть vs. общество. Екатеринбург: Дискурс-ПИ, 2006.
- Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
- Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отдел полит. науки, 2013.
- Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. М.—СПб: Нестор-История, 2018. С. 27—53.
- Марков А.С. Были Астраханского края. Волгоград: Нижне-Волжское книжное изд-во, 1976.
- Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / под ред. А.И. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7—32.
- Миллер А.И. Методологические проблемы изучения политики памяти — решенные, нерешенные и неразрешимые // Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. М.—СПб: Нестор-История, 2018. С. 4—10.
- Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17—50.
- Поцелуев С.П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика: сборник научных трудов. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: ИНИОН РАН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отдел полит. науки, 2012. С. 17—53.
- Пушкарева Г.В. Когнитивные механизмы конструирования политической реальности // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 55—70. DOI: 10.17976/jpps/2015.01.06
- Сафронова Ю.А. Memory Studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. М.—СПб.: Нестор-История, 2018. С. 11—53.
- Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. Прошлое и будущее в советском метанарративе: взаимосвязь национального и наднационального // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020а. С. 40—60.
- Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука. 2020b. № 2. С. 66—87. DOI: 10.31249/poln/2020.02.03
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
- Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2004.
- Edelman M. *The Symbolic Uses of Politics*. Champaign: University of Illinois Press, 1985.
- Strukov V., Apryshchenko V. *Memory and Securitization in Contemporary Europe*. London: Palgrave Macmillan UK, 2018.

References

- Assman, A. (2014). *The Long Shadow of the Past. Memorial Culture and the Politics of History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ. (In Russian).

- Assman, A. (2016). *New Discontent with Memorial Culture*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ. (In Russian).
- Assman, Y. (2004). *Cultural Memory. Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kulturi publ. (In Russian).
- Bezugolny, A.Yu. (2011). *General Bicherakhov and His Caucasian Army. Unknown Pages of the History of the Civil War and Intervention in the Caucasus. 1917—1919*. Moscow: Tsentrpoligraf publ. (In Russian).
- Bourdieu, P. (2005). *Sociology of Social Space*. Saint Petersburg: Aletheia publ; Moscow: Institut eksperimentalnoy sociologii publ. (In Russian).
- Edelman, M. (1985). *The Symbolic Uses of Politics*. Champaign: University of Illinois Press.
- Efremova, V.N. (2015). On Some Theoretical Features of the Study of Symbolic Politics. In: Malinova, O.Yu. (Eds.). *Symbolic Politics: Collection of Proceedings*. Vol. 3. Moscow: INION RAN publ. Center for Social Information Research. Department of Political Science. P. 50—65. (In Russian).
- Halbwachs, M. (2007). *The Social Frameworks of Memory*. Moscow: Novoe izdatelstvo publ. (In Russian).
- Hatton, P.H. (2004). *History as the Art of Memory*. Saint Petersburg: Vladimir Dal publ. (In Russian).
- Kiselev, K.V. (2006). *Symbolic Politics: Power vs. Society*. Yekaterinburg: Diskurs-PI publ. (In Russian).
- Koposov, N.E. (2011). *The Memory of a Strict Regime. History and Politics in Russia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ. (In Russian).
- Malinova, O.Yu. (2013). *Constructing Meanings: A Study of Symbolic Politics in Modern Russia*. Moscow: INION RAN publ. Center for Social Information Research. Department of Political Science. (In Russian).
- Malinova, O.Yu. (2015). *Actual Past: Symbolic Politics of the Ruling Elite and Dilemmas of Russian Identity*. Moscow: Politicheskaya encyclopedia publ. (In Russian).
- Malinova, O.Yu. (2018). Politics of Memory as a Field of Symbolic Politics. In: Miller, A.I. & Efremenko, D.V. (Eds.). *Methodological Issues of Studying the Politics of Memory: collection of proceedings*. Moscow — Saint Petersburg: Nestor-Istoriya publ. P. 27—53. (In Russian).
- Markov, A.S. (1976). *The Authentic History of the Astrakhan region*. Volgograd: Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izdvo publ. (In Russian).
- Miller, A.I. (2012). Historical Policy in Eastern Europe at the Beginning of the 21st Century. In: Miller, A.I. & Lipman, M. (Eds.). *Historical Politics in the Twenty-First Century*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ. P. 7—32. (In Russian).
- Miller, A.I. (2018). Methodological Problems of Studying Memory Policy — Solved, Unsolved and Unsolvable. In: Miller, A.I. & Efremenko, D.V. (Eds.). *Methodological Issues of Studying the Politics of Memory: collection of proceedings*. Moscow — Saint Petersburg: Nestor-Istoriya publ. P. 4—10. (In Russian).
- Nora, P. (1999). Between Memory and History. Problematics of Places of Memory. In: Nora, P., Ozouf, M., de Puymège, G. & Winock, M. *France-memory*. Saint Petersburg: Izd-vo SPbU publ. P. 17—50. (In Russian).
- Poceluev, S.P. (2012). “Symbolic Politics”: To the History of the Concept. In: Malinova, O.Yu. (Eds.). *Symbolic Politics: Collection of Proceedings*. Vol. 1. Moscow: INION RAN publ. Center for Social Information Research. Department of Political Science. P. 17—53. (In Russian).
- Pushkareva, G.V. (2015). Cognitive Mechanisms of Political Reality Construction. *Polis. Political Research*, 1, 55—70. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2015.01.06
- Safronova, Yu.A. (2018). Memory Studies: Evolution, Problems and Institutional Development. In: Miller, A.I. & Efremenko, D.V. (Eds.). *Methodological Issues of Studying the Politics of Memory: collection of proceedings*. Moscow — Saint Petersburg: Nestor-Istoriya publ. P. 11—53. (In Russian).
- Sevastyanova, Ya.V. & Efremenko, D.V. (2020a). Past and Future in the Soviet Metanarrative: the Relationship of National and Supranational. In: Miller, A.I. & Efremenko, D.V. (Eds.). *The Politics of Memory in Modern Russia and Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives*. Saint Petersburg: Izdatelstvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge publ. P. 40—60. (In Russian).
- Sevastyanova, Ya.V. & Efremenko, D.V. (2020b). Securitization of Memory and Dilemma of Mnemonic Security. *Political Science*, 2, 66—87. (In Russian). DOI: 10.31249/poln/2020.02.03
- Strukov, V. & Apryshchenko, V. (2018). *Memory and Securitization in Contemporary Europe*. London: Palgrave Macmillan UK.
- Vachnadze, M., Guruli, V. & Bakhtadze, M. (1993). *History of Georgia (from Ancient Times to the Present Day)*. Tbilisi: Tbilisskiy gosudarstvennyi universitet publ. (In Russian).
- Vardosanidze, S. (2015). *The Servant of God: the Life feat of Elijah II, Catholicos-Patriarch of all Georgia*. Moscow: Pravoslavnyi Svyato-Tihonovskiy gumanitarnyi universitet publ. (In Russian).
- Yerushalmi, Y.H. (2004). *Zahor: Jewish History and Jewish Memory*. Moscow: Mosty kultury publ.; Jerusalem: Gesharim publ. (In Russian).

Сведения об авторах: *Волхонский Михаил Алексеевич* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности Московского государственного института международных отношений (МГИМО МИД России) (e-mail: VolhonskyMA@yandex.ru).

Ярлыкапов Ахмет Аминович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности Московского государственного института международных отношений (МГИМО МИД России) (e-mail: itbal@mail.ru).

About the authors: *Volkhonsky Mikhail Alekseevich* — PhD in History, Senior Research Fellow, Center for Caucasus Problems and Regional Security, MGIMO University (e-mail: VolhonskyMA@yandex.ru).

Yarlykapov Akhmet Aminovich — PhD in History, Senior Research Fellow, Center for Caucasus Problems and Regional Security, MGIMO University (e-mail: itbal@mail.ru).